

сбыта для их мелких кустарных произведений; он знает дорогу в ближайший город и, когда случится нужда, ходит туда. Его отношение к семье, состоящей из одной лишь дочери, Апроськи, находится в стадии, относящейся к доисторической антропологии, но, несмотря на это, он сам и его друг Сысойка так глубоко любят Апроську, что после ее смерти они готовы покончить с собой. Они бросают родную деревню, чтобы начать тяжелую жизнь речных бурлаков, которые тянут бечевой тяжелые барки против течения. Но эти полудикари глубоко человечны, и каждый чувствует, что они таковы не только по воле автора, создавшего их образы, но таковы в действительности; читать историю их жизни и страданий, переносимых ими с терпением покорных животных, невозможно, не будучи глубоко тронутым, — даже более глубоко, чем при чтении хорошей повести из жизни людей зажиточного круга.

Другая повесть Решетникова — «Глумовы» — одно из самых удручающих произведений в этой области литературы. В ней нет ничего поражающего, никаких особенных невзгод и несчастий, никаких драматических эффектов. Но вся жизнь уральских рабочих, описанная в этой повести, носит такой унылый характер, и в этой жизни так мало задатков, чтобы люди могли выбиться из-под гнета этого уныния, что вами овладевает настоящее отчаяние, когда вы постепенно начинаете понимать неподвижность изображаемой в повести жизни. В другой повести — «Между людьми» — Решетников рассказывает историю своего собственного ужасного детства. Что же касается его большого двухтомного романа «Где лучше?», то это история непрерывного ряда всяких злоключений, выпадающих на долю одной женщины из беднейших классов, являющейся в Петербург с целью отыскания работы. Здесь, так же как и в другой обширной повести «Свой хлеб», мы находим ту же бесформенность и то же отсутствие ярко очерченных характеров, как и в «Глумовых», и получается то же глубокое, тяжелое впечатление.

Чисто литературные недостатки всех произведений Решетникова совершенно очевидны. Но, несмотря на эти недостатки, его можно рассматривать как инициатора новой формы повести, не лишенной художественной ценности, невзирая на ее бесформенность и ультрареализм как замысла, так и выполнения. Конечно, Решетников не мог никаким образом создать школы; но он дал намек на то, чем могла бы быть реальная повесть из народной жизни, и самими своими недостатками указав на то, чего надо в ней избегать. В его произведениях нет ни малейшего следа романтизма; никаких героев; ничего, за исключением огромной, индифферентной, едва индивидуализированной толпы, среди которой нет ни ярких красок, ни гигантов; все мелко и мелочно; все интересы сведены к микроскопически узкому соседству. В сущности, все эти интересы сконцентрированы вокруг одного, самого главного вопроса: где найти пищу и убежище, хотя бы ценой каторжного труда? Всякое описанное автором лицо, конечно, обладает собственной индивидуальностью, но все эти индивидуальности обуреваемы одним желанием: найти такое занятие, которое не вело бы лишь к безвыходной нищете, в котором дни заработка не сменялись бы беспрестанно днями безработицы и голоданием. Как добиться того, чтобы работа не превосходила человеческие силы? Где в мире найти место, чтобы работа не сопровождалась такими унижительными условиями? Эти вопросы дают единство цели в жизни всем этим людям.

Как я уже сказал, в повестях Решетникова нет героев; этим я хотел сказать — «героев» в обычном литературном смысле; но вы видите перед собой действительных титанов — действительных героев в первобытном смысле слова, героев выносливости, таких, которых должны выделять животные, — виды муравьев и т. д., когда они своей бесформенной массой ожесточенно борются против влияния холода и голода. То, каким образом эти герои переносят самые невероятные физические лишения во время своих скитаний из одного конца России в другой или как они встречают самые ужасные разочарования в поисках работы, — вся их борьба за существование, — все это в достаточной степени поразительно в повестях Решетникова; но, пожалуй, еще более поразительно, как они умирают. Многие читатели, конечно, помнят «Три смерти» Толстого: барыню, умирающую от чахотки, проклиняющую свою болезнь; мужика, заботящегося перед смертью о судьбе своих сапог и распоряжающегося, чтобы их отдали тому, кто наиболее нуждается в них, и, наконец, — смерть березы. Для героев Решетникова, живущих без уверенности, что у них будет на завтра кусок хлеба, смерть не является катастрофой; она приходит с постепенной потерей силы в поисках за хлебом, с постепенной потерей энергии, нужной, чтобы прожевать этот чертов кусок хлеба. Хлеба этого становится все меньше и меньше, в лампе не хватает масла, и она гаснет...

Другой ужасающей чертой повестей Решетникова являются картины того, как людьми овладевает пьянство. Вы видите, как оно приближается, чувствуете, что оно должно прийти органически, неизбежно, фатально; вы видите, как оно овладевает человеком и держит его в своей власти до смерти.